

Война не может быть справедливой, потому что воевать справедливо нельзя, даже если воюешь за справедливость.

Т. Котарбинский

ПРОЛОГ

Рузвельт: Я бы хотел поднять еще один вопрос, господин Маршал, Иосиф Виссарионович, давайте без формальностей, мы не на meeting, ну так вот... я хочу поговорить о судьбе Корейской территории. Там после ухода японцев возник вакуум, полное отсутствие государственного управления, каких-либо демократических норм, а это может привести, вернее, наверняка приведет к непредсказуемым последствиям, и не только для корейцев. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду?

Сталин: Понимаю и готов выслушать ваши предложения по этому вопросу.

Рузвельт: Я еще в Тегеране пытался поднять эту тему, вы должны помнить — Корею нужен печитель. И я думаю, что с этой задачей вполне могут справиться Америка, СССР и Китай.

Сталин: Вы имеете в виду Америку вместе с англичанами?

Рузвельт: Не думаю, что в этом есть необходимость.

Сталин: Но они будут сильно обижены, если их не пригласить.

Рузвельт: Думаю, что у них нет оснований претендовать на участие в попечительстве — они слишком далеко от Кореи.

Сталин: Если Черчилль узнает, что мы его не собираемся приглашать, то он нас обоих убьет. Может быть, все-таки пригласим англичан?

Рузвельт: Как-нибудь выживем. Впрочем, пускай вначале будут три попечителя, а потом можно будет пригласить англичан, если они поднимут большой шум.

Сталин: Тут вам виднее. А это попечительство не превратится в протекторат?

Рузвельт: Ни в коем случае! Попечители будут помогать корейцам управлять своей собственной страной, может быть, в течение 30—40 лет, пока корейцы сами не будут подготовлены к самоуправлению.

Сталин: Следовало бы установить срок попечительства...

Рузвельт: Американцы уже имели опыт с Филиппинами, где потребовалось 50 лет для того, чтобы подготовить филиппинцев для самоуправления. Для Кореи, возможно, потребуется более короткий срок, может быть 20—30 лет.

Сталин: Согласен. Но чем короче будет срок попечительства, тем лучше. А не придется ли нам вводить в Корею войска?

Рузвельт: Ни в коем случае! Только консультанты, специалисты по государственному строи-

тельству и прочие гаранты эффективного процесса становления Кореи как государства.

Сталин: Все это теоретически выглядит логично, но есть один нюанс... Как у нас говорят, два медведя в одной берлоге не уживутся.

Рузвельт: Вы хотите сказать, что нужно поделить территориально зоны влияния?

Сталин: Именно так. Пускай будет изначально два государства, две Кореи, Северная и Южная, а дальше посмотрим.

Рузвельт: И как вы предлагаете поделить территорию?

Сталин: Да очень просто, по 38-й параллели.

*Разговор в кулуарах
Ялтинской конференции.*

Утром 6 августа 1945 года американский бомбардировщик В-29 Enola Gay, названный так по имени матери командира экипажа, полковника Пола Тиббетса, сбросил на японский город Хиросиму атомную бомбу Little Boy («Малыш») эквивалентом от 13 до 18 килотонн тротила. Три дня спустя, 9 августа 1945-го, атомная бомба Fat Man («Толстяк») эквивалентом в 21 килотонну тротила, была сброшена на город Нагасаки пилотом Чарльзом Суини, командиром бомбардировщика В-29 Bockscar. Общее количество погибших составило от 90 до 166 тыс. человек в Хиросиме и от 60 до 80 тыс. человек — в Нагасаки.

США получили огромное преимущество в военной мощи. Ядерная бомбардировка СССР вполне вписывалась в предложенную Черчиллем операцию «Немыслимое». Корейский вопрос поблек на фоне мировых страстей. Временно. Советские дипломаты прилагали невероятные усилия для нивелирования возникших угроз. Но в 1949 году СССР на Семипалатинском полигоне испытал свою атомную бомбу, и шансы на уничтожение противоборствующих сторон уравнились.

На 38-й параллели, разделяющей Северную и Южную Корею, установилась напряженная тишина, готовая в любой момент сорваться в громы пушечных залпов. Оба корейских лидера стремились к объединению Кореи, но на своих условиях. Без войны это было сделать проблематично. Их попечители, СССР и США, формально призывали стороны к миру, но реально стремились к тому же.

Такое неустойчивое равновесие не могло продолжаться долго, и 25 июня 1950 года началась война.

Дорогой товарищ Сталин!

Если противник будет форсировать наступательные операции на Северную Корею, то мы не в состоянии будем собственными силами приостановить противника. Поэтому, дорогой Иосиф Виссарионович, мы не можем не просить от Вас особой

помощи. Иными словами, в момент перехода вражеских войск через 38-ю параллель нам очень необходима непосредственная военная помощь со стороны Советского Союза.

Если по каким-либо причинам это невозможно, то окажите нам помощь по созданию международных добровольных частей в Китае и в других странах народной демократии для оказания военной помощи нашей борьбе.

*Ким Ир Сен,
Председатель Кабинета министров КНДР,
капитан Советской армии.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАМ РАЗУМ ДАЛ СТАЛЬНЫЕ РУКИ-КРЫЛЬЯ

Летать самолетом было бы совершенно безопасно, если бы не было земли.

Л. Кампбон

Поезда шли на восток. Даже если они двигались с севера на юг, они все равно шли на восток, на Дальний Восток. Истребительную авиадивизию стягивали по железной дороге в Северо-Восточный Китай со всех концов страны: технику на эшелонах с литерным статусом, а личный состав на обычных поездах, которые делали остановки на станциях, как правило, с буфетом, где можно было разжиться куревом и кое-чем иным. Брали в дивизию опытных пилотов, которые могли не только уверенно летать на новых «МиГ-15», но и обучать летному делу китайских и корейских товарищей.

Офицеры находились в приподнятом настроении, наслаждаясь пусть ограниченной, но свободой, быстро перезнакомились, вели бесконечные пустопорожные разговоры, глазели на женщин во время остановок, пили водку из стаканов в тяжелых мельхиоровых подстаканниках, в общем,

развлекались, как могли, в ожидании прибытия на место дислокации. Старший по вагону майор, что-то вроде военного коменданта, сквозь пальцы смотрел на мелкие нарушения, на импровизированные застолья, потому что против лома нет приема, а дорога длинная.

Менялись пейзажи, менялась погода, менялись запахи в вагонах в зависимости от изменений во флоре и фауне в окружающей среде.

— Какие странные феромоны! — сказал лейтенант по имени Валера, втягивая породистым носом воздух и откровенно морщась.

— Это не феромоны, это коровье говно, — буркнул капитан Виленин, поглядывая в окно. — Видишь, там скотный двор? А в нем коровы или свиньи, все кушать хотят и наоборот.

Летчик-истребитель, командир эскадрильи капитан Павел Колесников хмыкнул. Ему нравился этот офицер с его прямолинейным, бесхитростным характером и грубоватым юмором. Он вспомнил, как познакомился с ним в начале маршрута.

— Виленин, Алексей, — представился капитан.

— В.И. Ленин, вождь мирового пролетариата, — прокомментировал Колесников, побуквенно расшифровав фамилию.

— Приметливый ты. Другой бы не сразу догадался. — Виленин криво усмехнулся. — Это мне в детдоме фамилию присвоили. Меня туда еще неразумным сосунком определили. Хотели еще

Марленом назвать, но я настоящее имя свое знал, что родители дали, которых я не помню.

— Нет имени, которое нельзя прославить, — патетично заявил Валера.

— Особенно посмертно, — добавил Колесников.

— «В этой жизни помереть нетрудно. Сделать жизнь действительно трудней», — процитировал Маяковского Валера и шмыгнул своим аристократическим носом.

— Да ладно тебе образованность показывать! Пилоту главное — рулить и приземляться ровно столько же раз, сколько взлетел, а не философствовать. Лучше подумай, где выпивку достать, — проговорил Виленин. — И вот... — Он протянул лейтенанту носовой платок. — Висморкайся.

Вскоре достали выпивку — Валера сбегал в станционный буфет. А потом ехали и болтали под водочку.

— На курорт едем, — мечтательно выговорил лейтенант Вася Мишин, самый молодой из офицеров, и зажмурил глаза от умозрительного удовольствия. — Море, джунгли, лежишь под солнцем и млеешь.

— Ну да, ну да... — Виленин усмехнулся. — Там не джунгли, а южная тайга с тиграми и медведями. А ты думал, что теплый прибой, пляжные зонтики, китайки в тугих купальниках... Размечтался! Загонят тебя в глухомань, где до моря только самолетом долететь можно, да только призем-

литься негде. Разве что катапультироваться прямо в море.

Поезд замедлил ход. Впереди показалась железнодорожная станция.

— Мишин, твоя очередь за выпивкой бежать. Там, на перроне, тетки картошкой вареной и солеными огурцами торгуют, а из-под полы самогонкой — дешевле обойдется, да и пойло у них качественное, без обмана. Скинемся, товарищи офицеры.

На стол полетели купюры. Мишин сгреб деньги и направился к выходу из купе.

— Возьми наволочку, чтоб не светиться, — крикнул ему вслед Виленин.

— И смотри там, не заблудись, — добавил Валера.

— Не заблудится, — буркнул Виленин.

— Как знать, — сказал Валера. — Вот у нас случай был... — Он на пару секунд задумался. — Недалеко от нашей части, что в Подмосковье, есть животноводческое хозяйство, да не простое, а ветеринарное. Там же располагается исследовательская лаборатория по изучению болезней животных — ящура и прочих. Был у меня там приятель, а может, и сейчас есть, Кеша, кандидат наук, рубаха-парень. Он нас спиртом снабжал — у них там полно этого добра для научных опытов. На этой почве и сдружились. Кеша числился крупным специалистом именно по коровьему ящуру.